

Сообщение на моей теме "Диалектика социализма" от 10 января 2008 г.

Маркс мне, конечно же, "друг", но Энгельс мне "дороже"!

Уважаемые коллеги!

В сообщении "Визит к "вдовице Куикли" на этой теме от 29.08.2007 года вообще и на примере обмена продуктами между двумя Робинзонами, в частности, я попытался показать:

Первое.

Исторически, по критерию первичности возникновения, для каждого человека (тогда еще его дикого предка, животного) для каждого объекта его потребления существовали индивидуальные ЗАТРАТЫ ПРЕДПОТРЕБЛЕНИЯ, затраты жизненных сил, обеспечивающие саму возможность потребления этого объекта, затраты жизненных сил, обеспечивающие наличие объекта потребления в виде, пригодном для потребления. Тогда это были затраты по добыванию объекта потребления из природы в готовом виде без применения орудий и без труда в его научном понимании. Вы помните, что эти затраты я называю **СТОИМОСТНОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТЬЮ** данного объекта потребления.

Второе.

Исторически, по критерию первичности возникновения, только позднее с появлением в арсенале дикого человека первых орудий труда, с тех пор, как его жизненную активность по добыванию объектов потребления умные дяди стали называть процессом труда или просто трудом, затраты жизненных сил, обеспечивающие наличие объекта потребления в виде, пригодном для потребления, затраты по добыванию объекта потребления из природы с применением орудий труда, то есть **СТОИМОСТНАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ** данного объекта потребления получила форму индивидуальных затрат его изготовления, то есть **ФОРМУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СТОИМОСТИ**. В нашем примере с Робинзонами для Робинзона №2 затраты предпотребления им одной рыбы, то есть ее **СТОИМОСТНАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ** однозначно соответствуют затратам ее поимки им самим, то есть затратам ее изготовления, то есть ее индивидуальной **СТОИМОСТИ**.

Третье.

В процессе возникновения и становления системы разделения труда и обмена его продуктами в обществе **СТОИМОСТНАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ** данного объекта потребления стала получать форму другого продукта, продукта своего труда, отчуждаемого в обмен на получаемый объект потребления – продукт чужого труда. В нашем примере с Робинзонами для Робинзона №2 затраты предпотребления им одной уже не добываемой им самим рыбы, то есть ее **СТОИМОСТНАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ** получает форму зайца, а величина **СТОИМОСТНОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ** оказывается равной величине затрат по добыванию одного зайца, отчуждаемого в обмен на получаемую от Робинзона №1 рыбу, то есть величине его индивидуальной **СТОИМОСТИ** поимки зайца.

Четвертое.

После возникновения и становления разделения труда между всеми людьми общества, каждый объект потребления (каждый заяц и каждая рыба, каждый сюртук и холст и т.д.) поскольку он изготовлен с применением труда человека, обладает формой и величиной индивидуальных затрат труда на его изготовление, то есть **ФОРМОЙ И ВЕЛИЧИНОЙ**

**ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СТОИМОСТИ**, и поскольку он может быть потреблен – формой и величиной индивидуальных затрат предпотребления, то есть **ФОРМОЙ И ВЕЛИЧИНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СТОИМОСТНОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ**. Если продукт труда потребляется самим изготовителем, то его стоимостная потребительная стоимость равняется стоимости его изготовления самим изготовителем-потребителем. Если продукт труда потребляется не его изготовителем, а другим субъектом, то стоимостная потребительная стоимость этого продукта для каждого другого возможного его потребителя равняется индивидуальной стоимости продуктов его собственного труда, отчуждаемых в обмен на получаемый продукт.

Таким вот образом я в очередной раз и, теперь уже с этой точки зрения, то есть с точки зрения на логику и механизмы первичных актов обмена продуктами труда, попытался обосновать тройственную природу, тройственный характер и тройственное содержание категории **ПРОДУКТА ТРУДА**, а именно так: **ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ** (как полного аналога марксовской вещественной потребительной стоимости, как совокупности материалистических, вещественных, объективных а потому и одинаковых для всех возможных потребителей потребительских свойств, **СТОИМОСТИ**, как фактических индивидуальных затрат труда на изготовление этого продукта **И СТОИМОСТНОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ**, как, прежде всего, индивидуальной полезности данного продукта труда для данного потребителя, выраженной в стоимостной форме, в форме собственных индивидуальных затрат на продукт собственного труда, противопоставляемый данному продукту в акте обмена.

Из изложенного следует, прежде всего, что исторически первичной формой индивидуальной стоимостной потребительной стоимости продукта труда являлась его собственная натуральная форма, а величина индивидуальной стоимостной потребительной стоимости принимала значение индивидуальной стоимости этого продукта. Но это далеко не единственная ее форма. В моем примере с обменом между двумя Робинзонами для Робинзона №1 формой потребительной стоимости недостающего ему чужого зайца становится форма его собственной рыбы, а величина стоимостной потребительной стоимости этого зайца равняется стоимости изготовления его рыбы.

Формой стоимостной потребительной стоимости продукта труда другого человека для данного потребителя может служить натуральная форма продукта труда третьего лица, затраты на изготовление которого по мнению потребителя соответствуют затратам изготовления получаемого продукта, а величина стоимостной потребительной стоимости продукта труда другого человека для данного потребителя равняется приблизительным, известным более или менее точно, представлениям потребителя о величине затрат, величине стоимости продукта третьего лица.

С появлением особого вида продукта труда и, в последствии, товара – с появлением денег (и натуральных, и металлических и электронных) всеобщей формой стоимостной потребительной стоимости продуктов труда становится соответствующая натуральная форма этих денег.

Вообще изучение различных форм и величин стоимостной потребительной стоимости продуктов труда есть задача (и предмет) для специального глубочайшего и обширнейшего исследования. И очень многое (если почти не все) из того, что было написано К.Марксом о стоимости и ее формах может быть применено к описанию диалектики стоимостной потребительной стоимости. И помочь мне убедить читателей в том, что это действительно так мне поможет, как мне кажется, никто иной, как Ф.Энгельс.

В дополнении I "Закон стоимости и норма прибыли" к третьему тому "Капитала" Ф.Энгельс, полемизируя с современными ему экономистами, пишет о взаимосвязи рыночных механизмов обмена и стоимости столь важные для понимания диалектики стоимостной потребительной стоимости вещи, что я не могу ограничиться здесь лишь ссылками на эту часть труда классиков, а должен привести его содержание, практически, полностью.

Итак, Энгельс пишет.

"Все мы знаем, что на первых ступенях общественной жизни продукты потребляются самими производителями и что эти производители стихийно объединены в более или менее коммунистически организованные общины; что обмен избытками этих продуктов, с которого начинается превращение продуктов в товары, возникает позднее, причем сначала он происходит лишь между отдельными разноплеменными общинами и только потом возникает и внутри общин, существенно содействуя их разложению на большие или меньшие семейные группы. Но и после этого разложения обменивающиеся между собой главы семейств остаются трудящимися крестьянами, производящими почти все необходимое для удовлетворения всех своих потребностей в собственном хозяйстве при помощи своей семьи, и лишь незначительную часть необходимых предметов они выменивают на стороне на избыток продукта своего труда. Семья занимается не только земледелием и скотоводством, но и перерабатывает также их продукты в готовые предметы потребления, местами даже перемалывает еще зерно на ручной мельнице, печет хлеб, прядет, красит, изготавливает льняные и шерстяные ткани, дубит кожи, строит и ремонтирует деревянные здания, изготавливает инструменты и орудия труда, нередко выполняет столярные и кузнечные работы, так что такая семья или семейная группа в основном ведет натуральное хозяйство.

То немногое, что подобной семье приходится получать в обмен или покупать у других, даже вплоть до начала XIX столетия в Германии, состояло преимущественно из предметов ремесленного производства, то есть из таких вещей, способ изготовления которых был хорошо известен крестьянину, но которых он не производил сам или из-за трудности получения сырья, или же ввиду значительной дешевизны, или лучшего качества покупных изделий. Следовательно, средневековому крестьянину было довольно точно известно количество рабочего времени, необходимого для изготовления предметов, получаемых им в обмен. Сельский кузнец и тележник работали на его глазах, так же как и портной или сапожник, которые у нас на Рейне еще в дни моей юности ходили из одного крестьянского дома в другой и шили из самодельных тканей и кож одежду и обувь. Как крестьянин, так и те, у которых он покупал, были сами работниками: обмениваемые предметы были продуктами их личного труда. Что затрачивали они при изготовлении этих предметов? Труд – и только труд: на возмещение орудий труда, на производство сырья, на его обработку они затрачивали только свою собственную рабочую силу; могли ли они поэтому обменивать эти свои продукты на продукты других производителей иначе, чем пропорционально затраченному труду? Рабочее время, затраченное на эти продукты, было не только единственным подходящим мериллом у них для количественного определения подлежащих обмену величин, но всякое другое мерило было совершенно немыслимо. Можно ли предположить, что крестьяне и ремесленники были так глупы, чтобы обменивать продукт 10-часового труда одного на продукт часового труда другого? Для всего периода крестьянского натурального хозяйства возможен был только такой обмен, при котором обмениваемые количества товаров соизмерялись все больше и больше по количеству воплощенного в них труда. С момента проникновения денег в это хозяйство тенденция к соответствию с законом стоимости (*nota bene\** - в формулировке Маркса!) становится, с одной стороны, еще отчетливее, но с другой – она уже начинает нарушаться вследствие вмешательства ростовщического капитала и фискальной системы,

и те периоды, за которые цены в среднем почти приближаются к стоимости, становятся уже более продолжительными.

То же самое относится к обмену продуктов крестьян на продукты городских ремесленников. Вначале обмен совершается прямо, без посредничества купца, в базарные дни в городах, где крестьянин продает свои продукты и совершает покупки. И здесь точно также крестьянину известны условия труда ремесленника, а последний знает условия крестьянского труда. Он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород, но очень часто участок поля, одну две коровы, свиней, домашнюю птицу и т.д. Таким образом, в средневековые люди были в состоянии довольно точно подсчитать друг у друга издержки производства в отношении сырья, вспомогательных материалов, рабочего времени – по крайней мере, поскольку дело касалось предметов повседневного обихода.

Но как же при этом обмене по количеству затраченного труда определялось это количество, хотя бы и косвенно и относительно, для продуктов, требующих затраты труда в течение продолжительного времени, с нерегулярными перерывами и неопределенным объемом продукции, например, для хлеба и скота, и при этом людьми, не умеющими считать? Очевидно, лишь путем длительного процесса приближения зигзагами, часто потемками, ощупью, причем, как и всегда, лишь горький опыт учил людей.

Необходимость для каждого в общем и целом возместить свои издержки содействовала в каждом отдельном случае нахождению правильного пути, ограниченное же число видов предметов, поступавших в обмен наряду с неизменяющимся – нередко на протяжении многих столетий – характером их производства, облегчали эту задачу. Доказательством того, что для приблизительно точного установления относительной величины стоимости этих продуктов вовсе не требовалось слишком много времени, служит уже один тот факт, что такой товар, как скот, для которого, ввиду продолжительности времени производства отдельной его головы, это определение кажется наиболее затруднительным, был первым довольно общепризнанным денежным товаром. А для этого необходимо было, чтобы стоимость скота, его меновое отношение к целому ряду других товаров, достигла фиксации, относительно необычной и беспрекословно признаваемой на территории многочисленных племен. И люди того времени, как скотоводы, так и те, кто у них покупал, наверное были достаточно благоразумны для того, чтобы при обмене не отдавать без эквивалента затраченное ими рабочее время. Наоборот, чем ближе к первоначальному периоду товарного производства находится тот или иной народ, - например русские и восточные народы, - тем больше времени и до сих пор тратят они на то, чтобы путем долгого, упорного торга полностью оплатить рабочее время, употребленное на производство продукта.

Исходя из этого определения стоимости рабочим временем, все товарное производство, - а вместе с тем и многообразные отношения, в которых проявляются различные стороны закона стоимости, - развивается так, как это изложено в первом отделе первого тома "Капитала"; стало быть, в частности, развиваются и условия, при которых только труд и является создателем стоимости. При том эти условия прокладывают себе путь, не будучи осознанными людьми, и лишь путем трудных теоретических исследований они могут быть абстрагированы из повседневной практики; стало быть, эти условия действуют подобно законам природы, что неизбежно вытекает, как доказал Маркс, из природы товарного производства. Важнейшим и решающим шагом вперед был переход к металлическим деньгам, но в результате этого перехода и определение стоимости рабочим временем уже перестало видимым образом выступать на поверхности товарного обмена. С точки зрения практики решающим мерилем стоимости стали деньги, и это тем более, чем разнообразнее становились товары, служащие предметами торговли, чем в большей мере они притекали из отдаленных стран и, следовательно, чем меньше можно было учесть необходимое для изготовления этих товаров рабочее время. К тому же и сами деньги вначале большей частью притекали из чужих краев; но даже и в том случае, когда

благородные металлы добывались в данной стране, крестьяне и ремесленники отчасти не были в состоянии даже приблизительно определить затраченный на их добывание труд, с другой же стороны, у них самих под влиянием привычки считать на деньги значительно затемнялось представление о свойстве труда как мерил стоимости; в народном сознании деньги начали служить представителем абсолютной стоимости.

Словом, закон стоимости Маркса имеет силу повсюду, - поскольку вообще имеют силу экономические законы, для всего периода простого товарного производства, следовательно, до того времени, когда последнее претерпевает модификацию вследствие возникновения капиталистической формы производства. До этого момента цены тяготеют к определенным, по закону Маркса, стоимостям и колеблются вокруг них так, что чем полнее развивается простое товарное производство, тем больше средние цены за продолжительные периоды, не прерываемые внешними насильственными нарушениями, совпадают со стоимостями с точностью до величины, которой можно пренебречь. Стало быть, закон стоимости Маркса имеет экономически всеобщую силу для периода, который длится с начала обмена, превратившего продукты в товары, и вплоть до XV столетия нашего летоисчисления. Начало же обмена товаров относится ко времени, которое предшествует какой бы то ни было писаной истории и уходит вглубь веков в Египте по меньшей мере за две с половиной, а может быть и пять тысяч лет, в Вавилонии же за четыре-шесть тысяч лет до нашего летоисчисления. Таким образом, закон стоимости господствовал в течение периода в пять-семь тысяч лет".

К.Маркс, Ф.Энгельс Избранные сочинения в 9 томах. Т.9, часть 2., стр.426-430.

Заканчивает это дополнение Ф.Энгельс следующим текстом.

"Если мануфактура бурно развивалась благодаря удешевлению продуктов, то в еще гораздо большей степени этому удешевлению обязана своим ростом крупная промышленность, которая путем непрерывного революционирования производства все более и более понижает издержки производства товаров и беспощадно устраняет все прежние способы производства. Именно крупная промышленность таким путем окончательно завоевывает капиталу внутренний рынок, кладет конец мелкому производству и натуральному хозяйству крестьянской семьи, устраняет прямой обмен между мелкими производителями и ставит всю нацию на службу капиталу. Она также выравнивает нормы прибыли различных отраслей торговли и промышленности в одну общую норму прибыли и обеспечивает, наконец, промышленности подобающую ей господствующую роль при этом выравнивании, устраняя большую часть препятствий, до тех пор стоявших на пути перелива капитала из одной отрасли в другую. Вместе с этим для всего процесса обмена совершается превращение стоимостей в цены производства. Это превращение происходит, следовательно, в силу объективных законов, вне сознания или намерения участников. То обстоятельство, что конкуренция низводит до общего уровня прибыль, превышающую общую норму, и таким путем снова отнимает у первых присвоителей-промышленников прибавочную стоимость, превышающую средний уровень, не представляет собой в теоретическом отношении никаких трудностей. Но зато на практике здесь больше трудностей, так как отрасли с избыточной прибавочной стоимостью, то есть с высоким переменным и низким постоянным капиталом или с низким строением капитала, по самой природе своей позже всего и меньше всего подчиняются капиталистическому производству; это относится прежде всего к земледелию. Что же касается, наоборот, повышения цен производства выше стоимости товаров, которое необходимо, чтобы поднять до уровня средней нормы прибыли недостаточную прибавочную стоимость, заключенную в продуктах отраслей с высоким строением капитала, то теоретически это выглядит весьма трудным, на практике же, как мы уже видели, совершается всего легче и быстрее. Ибо товары этого рода, когда они

начинают производиться капиталистически и поступают в капиталистическую торговлю, вступают в конкуренцию с товарами того же рода, которые произведены докапиталистическими методами и которые, следовательно, стоят дороже. Следовательно, капиталистический производитель даже при отказе от части прибавочной стоимости все же может получать обычную для его местности норму прибыли, которая первоначально не имела прямого отношения к прибавочной стоимости, так как она возникала из функции торгового капитала задолго до того, как вообще начали капиталистически производить, то есть задолго до того, как стала возможна промышленная норма прибыли".

К.Маркс, Ф.Энгельс Избранные сочинения в 9 томах. Т.9, часть 2., стр.436-437.

Каждая строчка и каждое слово этого текста, по моему мнению, достойно глубочайшего и подробнейшего обсуждения. Возможно, таковое и состоится в будущем на этой теме. А пока я хотел бы из комментариев участников форума узнать, видит ли кто то из них и в какой мере какую-либо аналогию в изложенной Ф.Энгельсом диалектики марксовой стоимости, цен производства и рыночных цен и настойчиво предлагаемой мною диалектикой стоимости и стоимостной потребительной стоимости.

С пламенным (уже чуть менее) приветом!